

*Ярков Александр Павлович, г. Тюмень*

## **ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО М. С. ЗНАМЕНСКОГО В КОНТЕКСТЕ «ТОБОЛЬСКОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ»**

*Аннотация.* М. С. Знаменский — один из «результатов» развития духовных сил сибирского социума. Тобольск стал мощным центром их притяжения и «базой» реализации (исходя из ресурсов и возможностей провинциального города). Творчество М. С. Знаменского: литературное, графическое, историко-краеведческое — было востребовано в Сибири и известно всей России.

*Ключевые слова:* М. С. Знаменский, «тобольский тип культуры», условия и возможности творческой реализации.

*Summary.* Mikhail S. Znamensky truly personifies the results of the development of the spiritual forces of the Siberian society. Tobolsk became a powerful destination for them as well as the source of their creative self-fulfilment, with due regard to the limited resources and capabilities of a provincial city. Works of M.S. Znamensky (literary, graphic, local history) was in demand in Siberia and known throughout Russia.

*Keywords:* Mikhail S. Znamensky, 'Tobolsk type of culture', conditions and opportunities for creative realization.

*Что может быть приятнее,  
чем осознание своей полезности и даже необходимости.*

М. С. Знаменский

Тобольск с первых лет своего существования складывался не только как административный, но и как экономический и культурный центр Сибири. Уже в XVII в. туда пришли первые караваны, а на местной ярмарке (проходила четыре раза в год) и торжках были представлены русские, западноевропейские и азиатские товары. Торгово-экономические отношения определяют первый уровень обретения «диалога культур», который становится «базовым элементом» последующего развития.

В силу комплекса природных, исторических, социальных и культурных обстоятельств этот город оказался своеобразным «результатом» соединения традиционной культуры (основанной на переплетении русской старожильской, тюркско-татарской, угорской и самодийской культур) и европейского образования, слияния столичных идей Просвещения и просвещенного провинциализма. В совокупности это называется «тобольским типом культуры», который, как отмечено в Сибирской советской энциклопедии, характерен и для других городов Западной Сибири [3: 168].

Традиционно носителями идей Просвещения в Европе и Петербурге считают гуманистов из числа дворянства, но оно в Сибири было очень немногочисленно. И не жило оно обособленно: сам Михаил Степанович (Стефанович) Знаменский в 1868 г. отмечал дворянство и «семинаринство» (педагоги и обучающиеся в тобольской семинарии) как «... два класса, пользующиеся хоть небольшим, но образованием, стоящие всего ближе к народу». Одна из «точек» выхода инноваций — дворяне. В основном это ссыльные декабристы, с которыми М. С. Знаменского сталкивала жизнь: П. С. Бобрищев-Пушкин, Ф. М. Башмаков, Ф. Б. Вольф, М. И. Муравьев-Апостол, И. И. Пущин, П. Н. Свистунов, М. А. Фонвизин, В. И. Штейнгель, И. Д. Якушкин (у которого в ланкастерской школе в Ялуторовске он учился ребенком), а также поэт-революционер М. И. Михайлов.

Еще до их прибытия в Сибирский край губернская столица стала важным культурным и духовным центром, обслуживая интересы местного сообщества. Оно состояло из обосновавшихся там издавна купеческих семей, духовенства и мещан, а также из прибывавших на службу из европейской части страны чиновников, офицеров, медиков и др. Дворянская «составная» была минимальна, а сложившаяся атмосфера «не вдохновляла» даже прибывших с каторги на поселение. Так, у гостеприимных Фонвизинных собирались товарищи по изгнанию, жившие в Тобольске. Но нередко появляются там И. И. Пущин, И. Д. Якушкин и др., приезжавшие нелегально из Ялуторовска и других мест губернии. Они устраивали домашние музыкально-литературные вечера. П. П. Ершов часто бывал там,

читал свои новые стихи, поэмы, рассказы [1: 176–177]. Полагаем, что тогда и возникли дружеские отношения Ершова и Знаменского, вовлеченных в один круг культурного общения.

Как и П. П. Ершов, оставаясь глубоко верующим человеком, М. С. Знаменский свое отношение к окружающему миру переносил в творчество, отделяя воцерковленных людей от шарлатанов и лгунов [2: 245, 412, 432, 460]. Явно несправедливо Тобольская консистория обвинила М. С. Знаменского в раскольнической деятельности, подвигнув его к выходу из духовного звания. Знакомство с «положительными» и «отрицательными» реалиями не обратило М. С. Знаменского к политической деятельности, но приучило к пониманию «многомерности» социальных позиций. «Отстраненно» им, например, проиллюстрированы «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Особого внимания к маргиналам не замечено, но и исключать их местного социума нельзя: ссыльнокаторжные — явление для Сибири повсеместное.

«Пестрое» сибирское сообщество не было объединено какой-либо религиозной идеей. И политически оно являлось аморфным. Существовало и конфессиональное «отчуждение»: наблюдая за приехавшими на ярмарку старообрядцами, воспитанный в православной семинарии М. С. Знаменский отметил: «Лысый старик не выдержал и певучим голосом заявил, что от поповских-то молебнов хуже стало» [2: 91].

Не питал М. С. Знаменский иллюзий в отношении исторических сюжетов времен присоединения Сибири к Московскому государству, изображая в работе «Ермак» не только атамана и его дружинников, но и жесткое обращение с аборигенным населением. Об этом повествует фрагмент с изображением повешенного на дереве манси [2: 560].

И все же контакты с различными группами приезжих местных жителей формировали новую коммуникативную среду, расширяя «горизонты». Не бывая за границей, о границе сибиряки узнавали из получаемой прессы, а живые впечатления — от приезжих и проезжавших, в том числе ссыльных [2: 107].

Реальная жизнь дала «импульс» для изменений в местном социуме, рефлексировавшем в местных проявлениях «тобольского типа культуры». Так, ссыльные если не пересекались очно, то вели переписку с другими соратниками. Знались с родными и знакомыми (кто не побоялся контактов с осужденными и их семьями), выписывали, как и в других местах их ссылки, книги и журналы с романами и стихами, знакомились с модой и, как свидетельствуют письма на французском языке из фондов Курганского музея декабристов, выписывали выкройки платьев из Парижа.

Провинциальные Ялуторовск (шутливо названный в мемуарах М. С. Знаменского Полуторовском), Курган, как и губернская столица — Тобольск, стали городами, где проходило взросление и становление М. С. Знаменского. Благодаря полученным базовым знаниям и навыкам «высокого» общения, он достаточно быстро приспособился к новым условиям в Петербурге. Ко времени начала обучения в Петербургской образцовой духовной семинарии (1851–1853) он уже владел французским (обучался у П. Н. Свистунова), татарским (даже работал переводчиком при общем губернском правлении), латынью (в детстве именуемой «ненавистой») и «славянским» (очевидно, церковно-славянским) языками. В результате он стал хорошим педагогом, увлеченным книго-чеем, прекрасным рисовальщиком, талантливым журналистом, замеченным и на уровне страны.

Особо стоит остановиться на некоторых художественных работах. Отмеченный современниками еще в Тобольске талант рисовальщика требовал «огранки». Усовершенствовав в северной столице свои навыки художника бытового жанра и портретиста у академика Ф. Г. Солнцева, по возвращении в Сибирь М. С. Знаменский щедро делился обретенным. Он интересен своими живыми наблюдениями и графическими осмыслениями в журналах (в «Искре», например, опубликовал около 300 карикатур) и газетах, например, во «Всемирной иллюстрации». Многие рисунки полны теплой иронии. Такой является иллюстрация к роману «Очерки бursы» под названием «Будущий пастырь словесного стада» [2: 152].

Внимание художника привлекали не только бытовые темы. Тонки по цветопередаче (а иногда и «живописно аристократичны») сибирские и степные пейзажи, хотя словесные их описания иногда мрачны [2: 173]. По традициям многоплановости и «ярусности» японских пейзажей построена карикатура «Ершов и его герои», сопровождаемая воображаемым диалогом: «Голоса. Еще, еще, П. П. — П. П. Нет уж, извините, русскому человеку и вздремнуть не мешает» [2: 186].

Убедителен портрет отца — сподвижника декабристов на ниве просветительства протоиерея С. Знаменского, построенный на оттенках нескольких цветов. «Монохромность» портрета, в незримом соревновании с появившейся в 1862 г. тобольской фотографией, которой было еще далеко до художественной образности, удивительна. Этот сюжет тоже нашел отражение в графической зарисовке и словесном описании [2: 304–306].

По возвращении на малую родину М. С. Знаменский увидел не только провинциальный уклад патриархального свойства. Своеобразный образ жизни тобольской «элиты» включал более широкие по замыслам и по успешности реализации музыкально-поэтические вечера, любительские спектакли и маскарады, публичные чтения, совместные прогулки на природе и походы в гости, отраженные, например, в рисунке М. С. Знаменского «На террасе дома М. И. Муравьева-Апостола» [2: 80].

Из-за отсутствия публичной библиотеки «центром» обретения новой информации стала губернская типография, где каждый выпуск местной литературы становился событием, а полученные газеты и журналы переписывались для собственных потребностей и по запросам живущих в отдалении. И таким путем обретения «тобольского типа культуры» становились достоянием всей Сибири [4].

М. С. Знаменский и сам распространял культурные приметы этого типа (поездки в Березово и Обдорск, по Степи и на границу с Кокандским ханством), аккумулируя их в альбоме «От Обдорская до Ташкента». Примечательна зарисовка расположенной в Северной Киргизии Башни Бурана — постройки, единственно сохранившейся от средневекового Баласагуна — столицы Западного Тюркского каганата. Рисунок помог воссозданию облика «отца всех среднеазиатских минаретов» отечественным реставраторам в 1970-е гг.

Этнографические и археологические исследования, исторические очерки (например, «Несколько слов об открытии наместничества в Тобольске и первом наместнике. Из старых ненапечатанных бумаг»), пейзажные мотивы и иконописание отражают нерасторжимость связи М. С. Знаменского с местной «почвой» и глубокий интерес к ее особенностям и достопримечательностям. Заметим, что тюркская и угорская культура для него, как православного русского человека, были «другими», но уже и не «чужими». Живя в одной природной и социальной среде, сибиряки различного происхождения выстраивали различные связи между собою и с миром.

Дружба с другим уроженцем Сибири и выдающимся земляком, П. П. Ершовым (уже признанным к тому времени на всероссийском уровне), «родила» новое явление в культурной жизни — инсценировки произведений поэта. С помощью рисунков его друга сюжеты «Кучум и его жена Сузге во дворце», «Дружина Ермака на Искере» стали достоянием региональной культуры.

Для пополнения живых впечатлений и багажа зрительных образов М. С. Знаменский проехал многие примечательные места, заметив: «Взгляни же, читатель, с почтением на правый берег Иртыша. Видимые тобой юрты не просто юрты, а место историческое, и всякий татарин, едущий по берегу на пестрой кобылке, быть может, потомок бившегося некогда прапрадеда» [2: 562].

«Тобольский тип культуры» вырос на местной почве, где были осмыслены явления и явно «иноземные». Но это было не простым копированием, а творческой переработкой гуманистических идей, пришедших в мир в эпоху Просвещения. Сибирь становилась одним из «полей» общероссийского культурного диалога.

#### Список литературы

1. *Восстание декабристов* / под ред. М. В. Нечкиной. — Москва : Наука, 1984. — Т. 14. — 348 с. — Текст : непосредственный.
2. *Знаменский, М. С.* Воспоминание и дневники / М. С. Знаменский ; сост., подг. текста, предисловие, комментарии Л. П. Рощевской, сост., подг. иллюстр. Е. П. Швецово. — Тобольск, 2013. — 773 с.
3. *Сибирская советская энциклопедия* : в 4-х томах. Т. 3. — Москва : Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. — 804 стб. — Текст : непосредственный.
4. *Ярков, А. П.* П. П. Ершов и «тобольский тип культуры» / А. П. Ярков. — Текст : непосредственный // П. П. Ершов и культура Тюменского региона : сборник статей. — Тюмень : Мандр и К, 2005. — С. 10–13.